

Любовь

АВТОБУСИК ЖЕЛТОГО цвета с облупленной местами краской круто развернулся на грунтовке, идущей по широкому полю, и остановился поперек дороги. Из автобуса выскочила Инна, выхватила сумку, хлопнула дверью, и тот зафыркал, развернулся окончательно, показав в одном из окон другой стороны своей фанерину вместо стекла, потом, дребезжа на ухабах, побежал обратно.

Инна, как и договаривались, приехала домой только на выходные, забрать приготовленные для нее продукты.

Она прошла сначала по отаве, скованной инеем, потом по узенькой плохо найденной тропке. Все здесь — трава, кусты и деревья, уже надевшие разноцветные наряды, — было заморожено студеным утренником. Солнце еще не добралось сюда — да и где? — рано.

...Пробежав по сосновому бору, вырвав вместе с корнями два белых гриба, Инна выскочила к деревне, которая была раскидана по пологому клину-холму, уткнувшемуся в речку. Солнце обогрело почти весь клин, поэтому он поблескивал растаявшим инеем в его лучах.

Подойдя к дому, Инна услышала знакомый скрип: кто-то брал воду из колодца...

У колодца возился невысокий сутулый парень, одетый в несуразную серую куртку с кашпоном.

— ...Инка, Инка! Инка приехала! — крикнул парень, кинул набранные уже ведра и побежал к девушке. Ведра, выпустив воду, подкатились чуть с насыпи колодца.

— Инка! Инка! Здравствуй, Инка!

Парень, брат Инны, считался на деревне дураком. Худощавый. На каком-то отрешенном чужом лице не в меру радостные глаза. Довольно раскрытый рот с несколькими желтыми зубами. ...А Инна красавица. Чернобровая, румяная от ходьбы, чуть разве полноватая, и волосы черные, густые, длинные. Если бы скрутить косу (да не брюки с модным свитерком и курточкой), была бы похожа Инна на крестьянку из сказок.

— Инка! Инка! — радостно бегал парень вокруг девушки, прыгал перед ней, осторожно притрагивался...

— Санька, отстань! А?

С парнем сразу что-то сделалось, глаза потускнели, в них блеснули слезы, и он, громко всхлипывая, понесся по тропинке под гору, к реке.

— Саня! Сань! Это ведь я так! Э!.. А, ладно, — махнула она рукой.

Мать Инны, Катя, в рабочих халате и косынке, только что подоила корову и разливала мо-

локо, процеживая его через ситечко с накинута-
той марлей.

— Кто приехал! Мы тебя только вечером
ждали, на городском. Молочка?

— Давай!

— Так ты на чем?

Катя налила уже бокал для Инны и дальше
процеживала в банку.

— С дорожниками, спасибо им большое. А то
бы десять часов на вокзале сидела... Я от Широ-
кого Поля, через наши сенокосы, через Борок...

— А Сашка тебя встречать собирался. Чуть
свет встал, не знай зачем. А где он?

— Да огрызнулась...

— Ну, не могла потерпеть, ведь уж знаешь
брата...

— Дааа...

Инна с наслаждением попивала парное мо-
локо и любовалась матерью, которая поставила
уже чайник и четкими резкими движениями на-
резала хлеб на доске.

Катя была роста маленького, поэтому, верно,
шустрая. В ее выползших из-под белой косынки
кудряшках путались лучи утреннего солнца,
глаза блестели задоринкой, а уголки рта слегка
улыбались.

— Шанег еще нет. Я печку-то затопила... Так
сама виновата... мы вечером ждали...

Саньки долго не было. А когда пришел,
взял колун и колол дрова до вечера. Иногда он
останавливался, садился на чурку и чинно го-
ворил:

— Что? Пора и чур знать. Давай закурим.

После этого он обтирал руки о штаны, доста-
вал сигарету и закуривал.

Вечером, когда сели пить чай с шаньгами и
пирогам, Сашка вдруг встал, сходил на кори-
дор, постучал, погромел там и вернулся, делови-
то неся шапку с чем-то... Положил на стол.

— Ай, да это ж брусника. И скрывал!.. А мы
бы в пирог... Смотри-ка, Инн!

— Да, Санька...

— Нет, уж лучше так съедим. Инн, он ведь
для тебя... Да где же насобирали-то, Сань? Не на-
росло... да и обобрано.

А Саня — в клетчатой, плотно застегнутой
рубашке и узких, от школьного костюма, брюках,
сухонькое тело — пацан пацаном, вытянул свою
длинную шейку, и даже желтоватое лицо, глаза
светятся, довольны.

— Туда сбегал?

Саня убрал из ягод листик и кивнул.

— Туда бегал! Инн, к Горе.

— А я тебе тоже кое-что привезла, — встала
Инна, — пошли!

И уже через минуту Санька прибежал хва-
статься перед матерью красками, книжкой-рас-
краской и альбомом.

Катя, Сашка, Инна — невелика семья Петро-
вых.

Муж Кати, как только стало понятно, что у
сына-первенца отклонения в развитии, а врачи
не могут помочь, уехал, и никто не знал куда, за-
то и он не знал, что Катя в то время уже носила
второго ребёнка.

Пока в силе была (родителей у Кати давно
нет в живых), помогала свекровь. Дальше уже
Сашка подрос — повел все мужицкие дела.

Инна выучилась на «отлично» сначала в сво-
ей деревне (до третьего класса), потом в сосед-
нем селе, поступила в институт. Теперь на чет-
вертом курсе. Подрабатывает, понятное дело.

После чая Инна и Сашка поднялись наверх,
в мезонин. Инна всегда по приезде рассказыва-
ла Сашке все свои переживания, всю свою
жизнь вне дома, то, что ее волновало. А Сашка
был благодарным слушателем. Он откладывал
любое занятие, никогда не перебивал, изредка
кивал головой, и глаза, глаза горели радостно,
оживленно, заинтересованно. Ему нравилось
слушать. Может быть, даже само присутствие
сестры, ее голос уже были для него счастьем.
Никто больше не говорил с ним так долго. Инна
рассказывала:

— ...Так вот, с Сашкой, тезкой твоим, мы
встретились. Лето не виделись, и, понятное де-
ло, старая любовь вспомнилась. Ну, а что сдела-
ешь? А тут Антон... Однажды я иду по Карла
Маркса...

Антон стоял на автобусной остановке, совме-
щенной с киоском, и покуривал, выпуская дым
тонкой струйкой.

Было утро. Звуки еще не смешивались и
слышались четко.

По неширокой двухполосной дороге бежали
маленькие легковые машинки, пофыркивали,
шли грузовые и грозно рычали своими нутря-
ными голосами. Со всех сторон, вплотную подо-
бравшись к тротуарам, множеством глаз смо-
трели панельные девятиэтажки.

Подожел автобус, нужный Антону, и он, вы-
кинув сигарету и пропустив вперед двух пожи-
лых женщин, легко вскочил на его подножку...

Инна, которая только подходила к остано-
вке, влекомая непонятным чувством, тоже вти-
снулась в переполненный автобус. Растолкала
пассажиров и проползла к заднему боковому
окну, где у поручня стоял Антон.

Инна переводила дух.

За окном проскакивали машины, автобусы... уходили назад киоски, магазины с длинными красочными вывесками, повсеместные, куда-то опаздывающие пешеходы.

— Здравствуй! Я — Инна.

— Здравствуй... — повернул свою большую голову с несколько квадратным лицом Антон.

На голове высокая стоячая кепка. На широких плечах легкая кожаная курточка. Он молчал.

— Я где-то видела тебя.

— Может, в АТП? — оживился Антон.

— Не знаю...

Замолчали.

По проходу пробиралась полная женщина-контролер, заранее предупреждавшая, чтобы готовили проездные документы. Наконец протиснулась на заднюю площадку.

— Так, здесь?

— Я заплачу, — дернулся Антон, достал из внутреннего кармана бумажник. — На двоих, — протянул он деньги; забрал билеты.

— Инна, ты где выходишь?

— Я?.. Я через остановку.

— А я на этой... — Он развернулся и шагнул к выходу. — Жди — в гости приду. ...Вы выходите?

— А как ты меня найдешь? — напоследок крикнула Инна.

— Я найду — ты жди. — Антон как будто расшевелился, избавился от своей утренней дремы.

На следующей остановке Инна вышла, осмотрелась, где находится, и направилась пешком до института.

В голове путались мысли.

Через день в шесть часов вечера в общежитии института в Иннину комнату постучали.

— Да-да, — сказала, оторвавшись от книги, сидящая на своей кровати маленькая рыжеволосая первокурсница Ирочка.

— Здравствуйте! — Дверь распахнулась, и в проеме показался Антон — в тех же куртке и кепке, в серых шерстяных брюках, коренастый. В руках он держал букет.

— Ай! Это ко мне, — встрепелась Инна; вскочила из-за письменного стола.

— А-а-а... — протянула Ирочка.

— Садитесь, пожалуйста, — переставила она стул с места на место, поправила покрывало на своей кровати и вышла, захватив и книгу.

— Антон отдал цветы и сел.

Три кровати, расставленные к разным стенкам, письменный стол у окна (за окном пятиэтажка), тройка тумбочек, тройка стульев, беловой шкаф, отделяющий вместе с ширмочкой небольшой уголок под кухню. На стенах — ста-

рые затертые ковры, полочки с книгами, порядочное (во весь рост смотришь) зеркало с двумя-тремя наклейками. По полу — домотканые деревенские половики.

— А как вас зовут? — ломая пальцы, спросила Инна, которая отложила уже букет и сидела на кровати.

— Уже и на «Вы»?.. Антоном.

— Извини. Что будем делать, чай пить?

— Давай гулять пойдем. Ты пока одевайся, а я... где тут курилка у вас? — улыбнулся Антон.

— Пойдем, — надернув тапочки, побежала Инна вперед. — Вон, смотри, — показала она рукой вдоль по коридору, — перед поворотом налево, вторая дверь, там еще ручки нету.

— ...И вот, Сашка, стали мы с Антоном встречаться, и все такое. Он меня по фотографии нашел. У его двоюродной сестры, тоже приезжей, я случайно на фотографии была. Антон эту фотографию видел и вспомнил меня... Так он через сестру и ее знакомых узнал, где я живу.

А Сашке мне пришлось дать от ворот поворот. А он философ. Его так и зовут: Сашка-философ. Короче, назначила я ему свидание в блинной...

Блинная внутри была небольшая, квадратной формы, и считалась придатком ресторана.

Прилавок. Четыре деревянных круглых стола с несколькими тяжелыми на вид табуретами вокруг каждого. За одним столом сидела пожилая женщина с вертлявым пацанчиком на коленях — верно, внуком. За другим — высокий бородач в заношенном плаще.

Инна и Сашка подошли к стеклянному прилавку с предлагаемым ассортиментом. Прочли небольшой список. Выбрали. И Инна присела за столик у огромного окна, за которым сутилась жизнь. Сашка же остался заказывать.

Одна из продавщиц, в белом колпаке и халате, приняла заказ и скрылась за дверью кухни, откуда слышалось шипение и лился приятный запах.

Сашка деловито ждал. Это был высокий брюнет в светлом джинсовом костюме. Волосы его аккуратно причесаны, прилизаны, длинные баки ровно обстрижены.

— Вот, держи блины, сейчас чай принесу, — подбежал Сашка к столу.

— Вот и чай! С тебя сотня! — пошутил он и присел на табурет.

Инна не отвечала.

— Знаешь, Сашка... — сказала она, наконец, в очередной раз перевалив блин на тарелке.

К их столу подошел ластиться большой черный кот — любимец персонала.

— Знаешь, Сашка, — повторила Инна, — я...

Громко хлопнула входная дверь, и два рас-трепанных мальчугана с портфелями, жесто-ченно переговариваясь, заспорили, что купить.

— Я, Сашка, другого человека полюбила, так что... между нами все кончено.

Молчали. Ели блины.

Потом Саша, облокотясь о стол и исподло-бья, осторожно заглядывая Инне в глаза, заго-ворил:

— Пусть, Инна, ты меня не любишь. Пусть ты больше не испытываешь чувств. Но я... — он часто говорил длинно, — я, Инна, тебя все еще люблю. Ты встречайся, с кем хочешь, но и меня не отвергай, мою любовь. Давай останемся дру-зьями. Я ни на что не претендую... Но... простого общения мне достаточно...

— Сашка, это же глупо.

— Инна... Ведь ничего не будет страшного, если мы иногда посидим вот так же в блинной, пообщаемся. Ты расскажешь о своей жизни, о деревне. Ведь когда-нибудь и тебя может кто-нибудь... — Александр еще долго объяснял ей что-то...

— Ладно, — наконец прервала его Инна, оглядываясь кругом. В блинную вливалась куч-ная толпа школьников, верно, приехавших в го-род на экскурсию и приведенных перекусить. — Ладно, пошли на улицу.

— Вот такая у меня жизнь, Санька. И теперь не знаю, как быть. Зачем согласилась друзьями остаться? Зачем мне эти проблемы?

— Да.

— Что да?! Да — вот такие проблемы, вот та-кие дела.

Санька сидел на табуретке, подложив руки под бедра, сгорбившись и слегка наклонив голо-ву в сторону, — он, верно, был готов слушать хоть вечность. Свет от закопченного керосино-вого фонаря (в мезонин электричество не про-вели), слабо освещающего комнату, отражался в живых Санькиных глазах.

— Ладно, пошли, Санька, спать. Поздно... Ты меня завтра провожать пойдешь? — сбросила Инна наброшенную фуфайку и запотевалась.

— Да.

Утром опять ударил приморозок. На реке, куда сбегал Санька, схватились забереги.

Пока шли до остановки, все, кто бы ни встре-чался, обязательно спрашивали:

— Что, Инночка, на учебу?

А Инна улыбалась, с каждым здоровалась и отвечала:

— Да. Надо.

Длинный, неповоротливый рейсовый авто-бус, по заведенному порядку каждую ночь про-водящий в соседнем селе, до окон крашенный си-ним, а дальше — красным, в извечной своей гря-зи, тяжело развернулся, обдав Саньку и Инну до тошноты неприятным запахом.

Санька затащил в автобус Иннины вещи: рюкзак, сумку, две коробки, перевязанные ве-ревкой, и увесистый пакет.

Инна все стояла. Потом легко вбежала в ав-тобус и в открытую дверь крикнула:

— Теперь все, Санька, — только летом жди!

Автобус медленно пополз, оставляя позади себя сарай, дома, колодцы...

Инна быстро пробежала от первых сидений к заднему окну и помахала Саньке. Санька не от-ветил. Он, укутанный в свой смешной балахон, в черной шерстяной шапке горшком, и вновь обдатый тошнотворной автобусной гарью, пла-кал.

2

ДЕРЕВНЯ ЖИЛА своей обычной жизнью.

Осень стояла с морозгой, с мокрым снегом, идущим наискось, со слякотью.

Зимой деревню завалил снег. Все дома и хо-зяйские постройки надели белые шапки. Трак-тора рыли дороги, наваливая высокие сугробы. Часто трещали затяжные морозы, и тогда почти из всех труб жилых домов шел дым столбами, подпиравшими небо.

Весной снег осел. По дороге побежали ручьи. На льду реки постоянно чернели рыболовы.

В конце мая основательно зазеленело. Кру-гом садили картошку.

Июнь выдался жарким.

Инну не отпускали с работы, и она приехала только в середине июля.

Инна чуть похудела, коротко подстригла во-лосы.

В дорогу она надела бейсболку, светлую блу-зу, очень идущую к ней, и черные брюки.

Инна легко шла по пыльной грунтовке, неся в одной руке снятые туфли, а в другой — почти пустую дорожную сумку.

Стоял полдень. Солнце палило. Все кругом поникло и будто тихо ныло — который день не отпускала жара.

Иногда ветер доносил запах свежескошен-ной травы, иногда — сена. У линии горизонта бегал по кругу маленький тракторок — косил.

Инна побулькала ноги в ручье. Посидела в тени черемухи. На Борку попыталась собирать

маслята, но от ненужности их в эту пору они все были переросшие и червивые.

По раскаленной деревне бродили только редкие отпускники, которых Инна не знала.

К дому она подходила, уже предвкушая, как отлежится в летней избе. Если в окна зимней солнце весь день заглядывает, то в летней, удачно расположенной, даже вечером его видно только сквозь густые черемухи.

— А, Инна! Приехала? А твои на сенокосе, — крикнула через забор соседка — круглолицая бабка, никогда не снимающая, верно, платка и мешковатого платья-сарафана. — Матка-то просила корову днем покормить. Да уж ты теперь сама, дома дак...

Инна глянула на соседку. Та стояла в тенечке хлева около кучи навоза (часть кучи попадала на солнце, отчего над ней видны были испарения и мухи). Вокруг бабки порхались куры.

— А чего она не на пастьбе?

— Как?! — удивилась бабка. — Она же телиться должна! Что ты?

— Ну понятно. — Инна не стала дожидаться, что скажет удивленная соседка еще, и вошла на веранду.

Веранда тоже раскалена. Но как хорошо чувствовать себя дома!

На небольшой верандочке валялись грабли, стояли запыленные кирзовые сапоги, бежали куда-то легкие тапочки. В бревне, выходящем от дома, торчал Санькин ножик. А на незатейливых, большими квадратами переплетах окон жужжали, летали, ползали слепни, овода и мухи.

В коридоре намного прохладнее. Ах! Скрипнувшие широкие половицы так приятны ногам. Стены все бревенчатые. Справа — стена повети. Прямо — с низенькой дверью — зимней избы. Слева — летней.

В углу небольшой столик. На столике — банки и ведро. Под столиком — также ведро.

Инна вошла в избу, кинула сумку и с ходу обежала русскую печку — заглянула в её рот полукругом. (Инна любила эту битую великаншу.) Потом резво крутанулась на одной ноге. Замерла.

Если зимняя изба была переустроена, то летнюю почти не трогали — оклеили только стены. Обои на них уже пожелтели. У стен стоят лавки, стулья, стол, шкаф с посудой. По стенам — навесные шкафчики, часы, пара картин, затертый бессменный коверчик с видом озера. Запертая белая дверь в маленькую горницу-спальню.

Пол и потолок настланы из широких вековечных плах, причем потолок все еще сохранил свою первую окраску. Какой-то самобытный

художник расписал его сказочными розовыми цветами на белом фоне.

Инна подошла к ведру с водой, стоящему под лавкой, черпанула ковшиком, глотнула несколько раз. Вода приятно не нагрелась.

Инна глянула на часы. Уже второй. Решила сначала накормить корову, а уж потом... — купаться (давно хотелось, чтоб кругом кувшинки и лилии с их овальными листьями-лопушками, а под ногами ил и мелкие палочки).

...Инна спустилась в хлев — надо вынуть объеди из яслей. Корова стояла как-то странно: выпучив глаза. «Не узнала», — подумалось. Вдруг... Инна замерла: «...телится».

Инна осторожно обошла корову — первый раз одна при отеле. Вышли уже две передние ножки и мордочка до глаз с высунутым язычком. «Задавился», — Инна так и села на скученный у окна навоз.

...Через секунду вскочила; испугав корову, выбежала из хлева. — «Быстрее, быстрее, надо звать кого-то...» — Уже на улице опомнилась, постояла и бегом обратно. Перед дверью хлева остановилась. Заходила по двору кругами. А в голове одно и то же: «Пускай сама, пускай сама...»

Корова мычала.

Наконец Инна решилась заглянуть. На полу лежал черный, весь сырой, с взъерошенной по хребту шерстью, теленок! Корова лизала своего детеныша.

Инна принесла сухого сена, подстелила под теленка, обтерла его тряпкой (как делала Катя) и оставила маму с малышом.

Инна стянула замазанную блузу, накинула какой-то пиджачок, нашла свое первое попавшееся в шкафу платье и побежала по тропке к реке.

Обильный пот, прошибший Инну в хлеву, при быстром беге под гору заохлодил тело, а мокрая блуза прилипла к спине, словно вторая кожа.

Как приятна была тихая речка в лопушнике! Как свежа ее вода! Всё смоев она: и пот, и падение в навоз, и шок, и усталость. Но Инна не взяла купальник, поэтому уже через пару минут нехотя вылезла из реки, надела платье и побулькала, пополоסקала, сколько могла, брюки и блузу. А с другого берега наблюдал за ней Женька, поворожавший сено и ждущий, пока оно подсохнет и придут работники на греблю.

Придя домой, Инна надела материны косынку и халат. Потом наладила ведро теплой воды и с этим ведром, прихватив тряпку, спустилась с коридора вниз по лесенке под поветь. Вошла в хлев.

Корова, не обращая внимания на Инну, все так же лизала теленочка, иногда переворачивая его тычком морды с бока на бок.

Теленок пытался встать.

Инна помыла корове соски и потащила слабосильного теленка к вымени (она больше интуитивно, чем по рассказам матери, знала, что надо делать).

Корова тихонько мычала: она боялась за дитя и не знала, что с ним происходит.

— Не мычи, не мычи, — иногда деловито говорила ей Инна, и корова, как будто понимая, успокаивалась.

Теленок сосал только пальцы и никак не мог захватить слишком толстых сосков. Инна сдоила с одного соска прямо на пол, и тыкнутый мордой теленок схватил этот сосок, жадно зачмокал.

Наелся.

И вот, только недавно беспомощный... — теленок уже свободно запохаживал, делая жалкие попытки подпрыгнуть на месте, тычась Инне в ладони.

— Ты телушечка у нас, ты телушечка, — толкала его Инна в лоб, — ты телушечка. Я-то ведь не мама — вон мама!

Корова, сдерживаемая цепью, мычала, звала.

3

В ВОСЬМОМ ЧАСУ, медленно обогнув дом дорогой, а потом тропкой, и показываясь поочередно в каждом окне, прошли Катя и Санька.

Первой в избу вошла Катя, она с ходу что-то заприметила в Инне и, не поздоровавшись, спросила:

— Отелилась, что ли?

— Да!..

— Ну, молодец, хорошо... Я, Инн, так вымоталась на этой жаре. — Она присела на одну из лавок. — Петро не пришел — сердце схватило. Любка беременная. А тетку Ольгу не погонишь за три километра.

— Так вы вдвоем?

— Ах-а... — Катя помолчала, потом, как бы опомнившись, спросила: — Послед вышел?

— Нет. Вот, должен.

— Доишь хоть?

— В шесть...

— Инка! — В распахнутых дверях стоял улыбающийся Санька.

Катя глянула на сына.

— Постой, Санька. В шесть... Теперь в десять еще подоишь... А я спать — на ногах еле стою... — хотя, посмотрев на Катю, этого бы никто не сказал.

Но... Она ушла в горенку. Слышно было, как заскрипели пружины кровати. И если бы через пару минут приоткрыть дверь и заглянуть в спальню, можно было увидеть уже крепко спящую Катю. Она нисколько не разделась, не стянула даже светленькой своей косынки с головы. Лежала поверх покрывала, раскидав руки и ноги и посапывая приоткрытым ртом.

...Санька, еще долго стоявший в дверях, наконец, отнес ведра (он ходил за водой) под лавку и подошел к сестре.

— Инка — провел он рукой по ее коротеньким волосам, высунувшимся из-под косынки.

Сейчас Инна, в косынке, в залежалом широком платье, вся светилась радостью, так же, как и глаза Саньки.

— Давай чай пить, Санька. Я, еще как вы с дороги домой повернули, чайник поставила. ...А мать стрижку не заметила.

Чайник шипел и через пару минут уже зафыркал слышнее, забулькал, заприподнимал крышку.

С улицы доносились в избу частые гулкие звуки ударов по железу, да еще иногда были слышны крики купающихся ребят.

— А у нас, Санька, Звездочка телушку принесла, — сказала Инна, поставив чашки с чаем на стол. — Я доить пойду. Пойдешь посмотреть?

Санька кивнул. Он был готов смотреть, слушать. Его живые, заинтересованные глаза следили за движениями Инны. Попробуй потуши такие глаза.

Утром, лучше сказать, ночью, Катя сбегала в колхозную контору, где дорабатывала до пенсии уборщицей. Сделала что надо по дому. Потом договорилась со всегда выручающей соседкой, чтобы та посмотрела днем за скотиной.

А около шести Петровы с косами на плечах уже стояли, прижавшись к забору, и пропускали стадо коров. ...В этом утреннем воздухе солнце приятно грело спины косарей.

Коровы шли довольно кучно, создавая далеко разбегающийся шум.

Иногда старая, с внушительной «рогатиной», пыталась боднуть слишком наглую молодуху. Та, пугая соседок, выскакивала из стада, делала несколько отчаянных прыжков и успокаивалась.

За коровами шли пастух и подпасок. Пастух, высокий усатый парень в полинялом камуфляже и кирзачах, обычно быстрый на ногу, сегодня передвигался тяжело, был заспанный. Подпасок же, плотного телосложения пацан в бейсболке, футболке, больших сапогах и теплых коричне-

вых спортивных, всюду бегал за отстающими ко-
ровами и, не переставая, кричал на них, особен-
но повторяя одно: «Ну, ну! Пешеходы — при-
бавьте ходу!»

— Скоро и мы свою выпустим, — сказала Ка-
тя, после того как дорога освободилась и ко-
сильщики вновь пошли. — А то кормить... Да и
ей на свежий воздух хочется.

Инна только кивнула.

Небо было ясное, солнце яркое — все предвещало жару.

Лучи солнца отражались от желтоватого из-
битого копытами песка грунтовок, хотя он был
какой-то чуть-чуть увлажненный росой.

Яркие места дороги перемежались с вытяну-
тыми тенями домов, деревьев.

Петровы шли к реке, в небольшой ложок, где
не скосить трактором — и надо вручную. Впере-
ди шли, с косами на плечах, Катя и Инна, а за
ними — Санька. Кроме косы у него были еще —
большой зеленый рюкзак за спиной да в руках
чумазый котелок-кастрюля. Санька часто оста-
навливался, ставил котелок на землю и освободившейся рукой поправлял что-то в рюкзаке, а
потом вприпрыжку догонял вперед ушедших. Котелок (в него, верно, были брошены железные кружки), ударяясь о ногу, брэнчал.

Ложок — небольшой овраг с крутыми скло-
нами, местами заросшими ивняком, ольхой и
молодыми березками, — спускался к неширокой
тиховодной речке, усеянной кувшинками. По
дну оврага проходило едва улавливаемое взгля-
дом кочковатое русло ручейка, шумевшего
только весной.

Первым, довольный от того, закосился
Санька. Он прошелся от русла в гору, но не до-
брался до самого верха, развернулся и, обко-
сив попавшийся на пути ивовый куст, спу-
стился обратно.

Женщины уже тоже приступили.

Катя косила широко и как-то вдруг: замах-
нется, на миг задержится, пригавливаясь, — и
наляжет. Поэтому Инна, не умевшая косить по-
хорошему и только чапавшая, бравшая узкий
прокос и широкий захват, вскоре догнала и обо-
гнала мать.

Санька, как и Катя, косил небыстро, но, в от-
личие от нее, задерживался на доли секунды
уже после движения, после того, как коса, про-
бежав полукруг, врезалась в вал. Санька как бы
наслаждался звуком, чувствовал его и по нему
определял — хорошо ли косит. Но и когда воз-
вращался, раскидывая вал, поглядывал, не оста-
лось ли где травинок. И если не находил, то ра-
достно смотрел в глаза матери или сестры, над-
еясь на похвалу.

Скосили уже широкий кус. Сидели, отдыха-
ли, отмахиваясь от комаров и слепней, к кото-
рым... привыкли.

Выкошенная часть ложка сразу преобрази-
лась. Она была как бы прибрана, ухожена, про-
тив дикого многоотравия вокруг, стоящего сте-
ной. Хотя оно красиво!.. Но первое было краси-
во именно человеческой работой.

Скошенная трава, развяленная, размягчен-
ная, лежала ровно. Несколько ивовых кустиков,
откидывающих тени, выделялись теперь осо-
бенно четко. Они, умело обкошенные, не при-
выкшие еще к своему новому положению, кра-
совались на солнце.

— Не нарobili — а курят!

Под гору спускался, вернее будет сказать ка-
тился маленький кругленький старичок —
Петро.

— Ты чего пришел? — спросила, обернув-
шись к нему, Катя.

— Я ж сказала — скосим сами. Грести посо-
бишь.

Петро между тем спустился.

— Здорово живем! А я, Катя, вчерась греблю
пропустил — сегодня надо отработать.

— Ой, какое еще отработать, а? — ответила
Катя, махнув рукой. — Ладно, пойдем тогда ко-
сить, раз отработать.

Все поднялись и поочередно заступили.

Петро косил широко — но бывшая сила уш-
ла — и часто не мог продернуть. Тогда он бы-
стро, будто боясь, что это заметят, стяпывал
оставленное, но все равно пропускал.

Петро подолгу лопатил косу брусом. Это
получалось у него ловко, быстро и с чудной му-
зыкой. Санька заслушивался этой музыкой,
пробовал сам так лопатить, но не получалось.

После того как солнце встало по ложку, по-
бросали косы, заложив пятки, чтоб не рассох-
лись, травой.

Петро «закатался», зашустрил, наломал оль-
ховых дров, содрал скалину. Катя с Инной, сидя
на карточках, чистили картошку. Санька пошел
за водой и, не вытерпев, уже купался...

Огонь разошелся быстро и заприплясывал
на дровинах. Его, чтоб не жечь сенокоса, разве-
ли на старом костровище, где рядом с двумя
истухшими виланами воткнули свежий. И те-
перь возле костра грелись три суковатых брата,
разных по возрасту, силе и росту.

Пока в черной охватываемой огнем кастрюле
варился суп, сначала пошли купаться женщи-
ны. Они купались: Инна — в ярком купальнике,
а Катя — не стесняясь своих лифчика и трусов.
После женщин решил «по-булькаться» Петро.
Но разделся только до пояса, показав белизну

тела и выпиравший живот. Петро долго пробо-вал воду то рукой, то плеская на грудь. Потом поплескал на грудь побольше, потер бока, шею, умылся и, одевшись, вернулся.

— Что-то я воды стал бояться, — объ-яснил он.

Еще раз искупался и Санька, быстро разде-вшийся и долго не вылезавший из реки.

Костер уже тлел, и по бокам костровища лежали две поседевшие головешки. Но из-за палящего солнца казалось, что от этих головешек и оставшихся углей все еще идет сильный жар.

На белом полотенце лежал черный хлеб, гру-дилось пять или шесть скрюченных, рановато снятых огурцов, переплетался вырванный с корнем лук.

Кастрюля, почти пустая, стояла у костра и слегка парила. Слабый дымок сливался с этим парком и приятно касался ноздрей.

Расположились, сомкнувшись с костром в круг. Ели по двое: Катя и Инна, Петро и Санька.

Катя в белой рубаше, белой с цветочками ко-сынке и синих облегающих ноги спортивках. Она сидела, расположившись правым боком к миске. Инна же ела, лежа на животе. В истертых джинсах, темной футболке с рисунком (белую рубашу скинула) и похожей на материну косын-ке. Санька, подстелив под себя пиджак, тоже ле-жал на животе. Его худощавое тело, казалось, еще вытянулось. Клетчатая, глухо застегнутая рубаша, узкие брюки. Санька покачивал согну-тыми в коленях босыми (впрочем, как и у всех сейчас) ногами. Петро, опершись на руку, полу-лежал на боку. Белая в красную крапинку руба-ха подпоясана, на коротких ногах широкие шта-ны, когда-то ношенные захорошо. На голове бессменная большая кожаная кепка.

Поели.

На угли кинули сухую скалину, положили тоненьких, хрупких веток, подули — и огонь снова разошелся.

Инна вымыла котелок и, наполненный во-дой, повесила над костром. Редкие капли, пол-зущие по чумазым стенкам, падали. Огонь шипел в ответ и быстро подсушивал влажное дно.

Пока кипятилась вода, Петро, как всегда ве-село и сочно, рассказал, что сегодня поутру веч-ный калымщик Витька сломал о соседскую по-мойку косу своего трактора.

Потом Петро про сына вспомнил.

(Сын Никола у Петро — непробудный пья-ница. Он похож на отца: такого же роста, такое же вытянутое лицо. Только угрюм и молчалив. И лишь когда выпьет Николаша, становится он

веселым, живым и еще лучше отца рассказывает байки.)

К вечеру ложок докосили, уткнувшись в са-мый берег, так что теперь рыбакам, натоптав-шим уже до этого тропку, можно было по утрен-ней зорьке, по росе подобраться к самой речке, не смочив штанов.

...А совсем поздно, можно сказать, ночью, Инна и Санька забрались на поветь, на сеновал. Одна — рассказывать про свою жизнь в городе, другой — слушать.

На повети уже лежало сегоднее сено — Ка-тя и Санька стаскивали его на себе на веревках с маленькой своей усадьбы. Сено ароматно пах-ло, будя воображение. А шевельлись — проседа-ло, шуршало пересохшим листом, тихонько шептало ломающимися разнотравными сте-бельками.

С улицы доносился неясный разговор мужи-ков. На реке визжали, булькались ребята, кото-рым прошедшим днем было не до купания. В отдалении снова слышались удары по железу.

— Так вот, Санька... Санька, ты не спишь?

Санька недовольно заворочался, зашуршал сеном — не спит.

— Так вот, однажды мы к Антону на дачу ездили, ну, не то что дача... — избушка да ого-род... Так вот, ехать на автобусе долго, и Антон, пока мы ехали, мне сказку рассказывал...

...Зимой неширокую реку сковал лед.

Но пришла весна — лопнул ледовый пан-цирь. Освободились неудержимые воды. И по-неслись внезапно разлученные льдины.

Плывут льдины, сшибаются, крошатся, тают, выбрасывает их иногда на берег.

Среди всех этих льдин плывут две, которые особенно крепко были соединены меж собой. Но не дает судьба случая им сойтись, стать це-лым. А уж много свежих, более крепких льдин появилось — река вскрывается все ниже и ниже по течению. Вливаются все новые и новые при-токи — шире стала река. И уж совсем трудно сойтись тем двум льдинам.

...Вот и люди так же — плывут по жизни, не знают, где их любовь... Но бывает шанс, случай, когда сойдутся, когда можно стать единым це-лым. А не использовал шанс — будь свободен, крошись дальше.

И можно всю жизнь, оттолкнув один раз, так и не найти любовь. Или еще страшнее: плы-вешь, кажется, бок о бок, но не теми краями со-шлись, не родными.

— ...А Антон мне потом сказал, что это так... даже не сказка. Это бабушка его выдумала: го-

ворит, что вся жизнь у нее так прошла. ...А мне понравилось. Санька, ты не спишь?

Санька, измотанный работой, спал.

4

В НЕЯСНОМ СВЕТЕ повети вверху видны были толстые балки перекрытия крыши, настиленные на них тесины; по сторонам серели бревенчатые стены.

Инна проснулась от утреннего приятного холода, который бодрит, расшевеливает желание жить..

Инна встала, накинула на плечи фуфайку и распахнула двери повети, за которыми — деревня-красавица, расставившаяся по отлогому склону. На ее зданиях и заборах розовели солнечные лучи. Сразу за последними домами, в низине, — крутой изгиб речки, вдоль по правому берегу которой и дальше в сторону — по холму-стройненький сосняк. За его стволами затаилось красное солнце. Какой простор!

— Инн, не спишь, что ли? — Катя неожиданно вывернула из-за дома. Она несла перехваченную веревкой мокрую от росы траву.

Отсюда, с повети, Катя казалась совсем маленькой. Она, осторожно обойдя немногочисленные подзасохшие грядки лука и моркови, прошла между ними и длинной полосой картошки, спускающейся под гору. Выбрав место, сбросила свою ношу и растрясла ее.

— Пускай подвялится! Потом корове отдадим, — объяснила Катя. — А ты, Инн, ложись, рано еще. Сегодня грести пойдем у тетки Ольги усадьбу... — она перевела дух. — А я с работы... Или, если желание есть, погода, управляйся, а то у меня что-то сердце заприхватывало.

Инна глянула вниз на мать, на огород-усадьбу, весь, вместе с картошкой и выкошенной поженкой, обнесенный жердяным забором на столбах, на черную схожую с избой Яги картофельную яму и крикнула:

— Иди отдыхай! Управлю все.

Когда спустились к покосившемуся набок дому Ольги, который располагался почти в низине и только слегка захватывал склона, увидели, что хозяйка уже ворочает сено.

— Что долго? — крикнула Ольга.

— Здравствуй, тетка Ольга! — поздоровалась за всех Катя.

— Здорово, коли не шутишь, — и продолжила ворочать.

Сено лежало тяжелыми пластами вокруг колодца с пологой крышей на столбах, вокруг

большого, темного от времени, но со свежеекрашенными белыми оконными наличниками и рамами дома, вокруг грядок, вокруг двух изогнутых черемух.

Петровы (старик Петро не пришел — ночью у него схватило сердце) принялись поворачивать сено, растряхивать его.

Хозяйка усадьбы Ольга, крупная сутулая бабка и на вид крепкая, монотонно орудовала граблями и, похоже, совсем не обращала внимания на подошедших.

Одета она была в самошитый, а может быть, и самотканый серый сарафан с узорами по подолу. На плечах, несмотря на жару, — плотно застегнутая шерстяная кофта. На голове — платок с цветами, завязанный под подбородком узлом.

Кисть левой руки у Ольги была отрезана в армии во время войны. Поэтому Ольга подсунула ручку грабеля под левую мышку, а правой рукой орудовала, и иногда высовывался из левого рукава округлый гладкий обрубок...

Правая рука у Ольги очень сильная, поэтому работала она не хуже здоровых. Бывало, когда приедут к ней внуки, встанет у колодца и только давай крутит вороток. Внуки цепь придерживают, чтобы ведро, когда поднимается, о стенки сруба не билось. Воду переливают и таскают... Ноги Ольга передвигала с большими усилиями, делая тяжелые трудовые шажочки и показывая из-под края подола носки валенок с галошами.

Уже поворачали.

Скошенная площадь была довольно большой, так как, после дома с ухоженным маленьким огородцем «для внуков» и жалкой грядкой картошки, узкая до этого полоса сена (у соседей еще не было скошено) расширялась и шла прямо в самую сырь, в кочковатые пересохшие лужи.

Высоко стоящее солнце палило, и можно было углядеть, как поднимается от сена влага.

В Ольгин дом, пропахший лекарствами и чем-то плесневелым, не пошли. Сели в тени черемух на превратившуюся в хлам, заросшую травой шитую лодку-плоскодонку.

Катя сбегала подоила корову и принесла с собой горячий суп из русской печи. Ольга набрала клюквенного морса.

Поели и ждали, сушили сено.

Но сразу после обеда пришла гроза.

Сначала на далеком горизонте — там, где терялась в ивовых и ольховых кустах река, появился темный ком с белыми прожилками. Косой дождевой хвост его уходил за сосняк. То и дело сверкали тоненькие молнии. Грома не было слышно.

Ветер в деревне усилился. Небо темнело на глазах. Ком рос, расплзался пытающимися

обогнать друг друга тучами. И уже жалобно закричали сбиваемые с полета чайки.

Ольга стояла среди повороченного сена, которое дрожало, кувыркалось иной раз на ветру. Дрожали и губы Ольги: они шептали молитвы, но над головой гремел гром, молнии сверкали совсем рядом... зашумел дождь.

Инна и Санька забрались на чердак Ольгиного дома. Здесь было все пыльно и старо. Небольшое чердачное окошко (такое же как в избе) слабо наполняло лишь часть помещения перед собой сумрачным грозовым светом. Поэтому только когда била молния, чердак достаточно освещался.

Две друг за другом стоящие трубы с осыпавшимися местами кирпичом, ломаные корзины, берестяной короб, такой же лапоть, весла, лопаты, жернова меленки... И везде пыль и песок, насыпанный на потолочное перекрытие для тепла.

По крыше хлестал дождь, прокатывался гром. Чердак наполнялся свежим увлажненным воздухом.

Инна и Санька сидели каждый на своем жернове, и Инна рассказывала:

— ...Я один раз прихожу к Философу, а он говорит, что у него мать замуж выходит. Представляешь?.. Иду я к нему, значит...

Стоял декабрь.

Александр жил в панельной громаде-девятиэтажке с несколькими подъездами и множеством квартир. В одну из них предстояло подняться Инне. Она подошла к нужному подъезду...

— Инна!

С детской площадки ее окликнул Александр. Он сидел на маленькой лавочке в своей черной шубе с высоким воротником и без шапки. А вокруг никого.

Зажатая с четырех сторон многоэтажками, детская площадка, с обычными лесенками, колесами и горками, вся засыпана свежеснеженным снегом, и только кое-где пройдены жидкие тропинки.

— Садись, — предложил Александр подошедшей Инне и смахнул снег с лавочки рядом с собой.

Инна не ответила. Она неловко переступила с места на место, хрустнув снегом. (Инна, в длинном зеленом пальто и черном берете, ощутила себя сейчас особенно какой-то нелепой.)

Александр взглянул на нее, крутанул головой, зарываясь в воротник, шмыгнув раскрасневшимся носом.

— Пошли тогда погуляем.

И они пошли на далекий шум центральных улиц.

Несколько минут шли молча. Потом Александр сказал:

— Мать у меня замуж выходит.

— Как? — спросила Инна. — И ты против?

Они выходили уже на довольно оживленную улицу и маленькой каплей вливались в общее движение.

— Нет, я не против, просто неожиданно... Мать сначала не хотела выходить, мне сказала, что не будет, потому что какое замужество на пенсии. Сказала, что главное — мне проблем создавать не хочет. Но, понимаешь, нельзя своим волевым решением изменять судьбе. Судьбу надо только найти. ...Другое дело, если человек тебя не любит, но они любят друг друга и осознают это; а делать себя жертвой ради чего-то... — на всю жизнь сделаться несчастным, мучиться и близких мучать. Нельзя игнорировать любовь, хоть чью. Вообще, надо всегда чутко ловить знаки судьбы.

— И чего? — глупо спросила Инна в образовавшейся паузе.

— Ничего. Объяснил ей все, уговорил мать выходить...

— А сам не доволен?

— Хэ! — метнул он резкий взгляд на Инну. — Нет, просто новый человек вливается... Пойдем к реке.

Они находились недалеко от реки и быстро дошли до нее.

Река была широкой. На том берегу стояли такие же здания, что и на этом. Как и детскую площадку, все ледяное пространство реки покрывал ничем нетронутый свежеснеженный снег. Правда, кое-где угадывались застарелые следы и лунки. Недалеко от бетонного берега набережной сидел одинокий рыбак.

...Инна досказала, задумалась... спросила Саньку:

— Я его не понимаю. А ты понимаешь?

— Да, — ответил Санька.

— Да? Что да? ...Ну, молодец, молодец, — Инна, смеясь, подбежала к маленькому оконцу — гроза уже ушла и сияло яркое солнце. Все кругом — и сено, и колодец, и черемухи, и устремленный в небо стожар, с наложенными вокруг него зелеными ивовыми ветками, — сверкало дождевыми каплями.

5

СЕНО СТАВИЛИ долго и тяжело.

За время сенокоса все — и Санька, и Катя, и Инна — сильно загорели и похудели. Особенно похудел Санька. «Одни уши остались», — говорила Катя.

Корову уже выпускали. Сначала она рвалась домой, перепрыгивала через изгородь пастбища и прибегала... а теперь привыкла.

Маленькая телушечка тоже привыкла оставаться одна. Но когда приходила уставшая, пропотевшая на жаре корова, телушечка носилась в своем стойле кругами — радовалась.

Время шло.

Однажды вечером Петровы всей семьей сидели на лавочке возле дома, ели горох, который принес Петро.

Солнце пряталось за соседскую крышу, и лавочка находилась в тени. А в тени хорошо.

Задувал легкий ветерок и отгонял появляющихся комаров.

Из коридора доносился запах черничного варенья, недавно сваренного и оставленного остывать.

Катя была в своих извечных на время сенокоса спортивных, светлой рубашке и косынке, из-под которой выползли кудряшки. Инна, наоборот, оделась на выход: черные отутюженные брюки, молочно-белая безрукавая блуза... Санька — тот в плотно застегнутой клетчатой рубашке, в Инниной бейсболке и разорванных на коленях штанах. Все босиком.

Петровы поочередно брали тугие зеленые стручки из пакета, лежащего на специально принесенной оставшейся с осени суковатой чурке. Кожуру кидали в коровье ведро, по-хозяйски поставленное Санькой.

— Мама, я на этой неделе уезжаю, — неожиданно легко сказала Инна вымученные слова.

Катю придавили они.

— Что?

— ...Я уже давно решила, корову утром доила — и решила, еще в тот день у тетки Ольги вочрачали... — она прислонилась спиной к дому. — Помнишь, гроза еще была после? ...Так вот, в то утро и решила, что сразу после сенокоса... Да и как говорят: «Чтоб корнями не прирасти».

— Долго же еще... Говорила месяц, — просила Катя.

— Месяц! У меня же работа...

При слове «работа», работа в городе Катя встрепенулась.

— Ну что ж — езжай.

Инна хмыкнула. Санька встал и ушел.

Так было решено об отъезде Инны.

* * *

Конец лета и начало осени Санька пропадал в лесу, таскал ягоды и грибы. Он приходил каждый раз усталый от тяжелой ноши, потный; облизывал высохшие губы. Его темная челка, вы-

ползшая из-под бейсболки, подаренной сестрой, липла ко лбу.

Инна написала, что осенью не придет.

Хорошая солнечная погода вдруг оборвалась. Пошли дожди. Задул ветер.

Все в деревне копали картошку в рукавицах и перчатках. А в небе жалобно кричали гуси, сносимые ветром.

Зима пришла ранняя, засыпавшая снегом все недоделки, всю грязь.

Сразу после того как установилась подходящая погода, Петровы договорились насчет трактора и стаскали все заготовленные копны сена к себе на огород. Поэтому на огороде стояло теперь несколько сутулых, кособоких богатырей.

В январе умерла однорукая старуха Ольга. Из-за метели ее хоронили кое-как. Из детей приехал только средний «несерьезный» сын (два других были далеко).

Грузовик с телом Ольги часто буксовал и с трудом пробирался по наскоро прочищенной бульдозером дороге на кладбище.

До растолконной перед кладбищем площадки, с вывернутыми кое-где пластами земли, дошло только несколько человек.

Опускали и зарывали веселые раскрасневшиеся мужики. Чуть не уронили.

Щедрый сын устроил богатые затянувшиеся поминки.

Почти всю зиму стояли оттепели, и сосульки, во множестве свисавшие с крыш, плакали.

Весной же крыши «заревели» по-настоящему, и с них согнало снег еще в начале апреля. А к маю снега и на полях почти не осталось.

Прилетели утки. Они в своих красочных нарядах плавали по лужам и по реке, которая выиграла и разлилась своими мутными водами. Разлилась широко, так что по низине подобралась почти к самому Ольгиному дому с заколоченными окнами...

Инна, очень уставшая, подходила к своей деревне. Она шла давно.

Голая весенняя деревня поднималась по отлогому расширяющемуся холму, который узкой своей частью опирался на реку.

Инне — на этот холм. С незатейливыми домами и огородами. С редкими, сейчас будто мертвыми безлиственными деревьями. С кучами навоза, растасканными по картофельным усадьбам. С холодным снегом, спрятавшимся в яме у подножья.

Инна повернулась к реке. Река шумела, спрямив поворот и переливаясь по затопленному берегу, как по перекаату.

Кусты, оказавшиеся в воде, мелко дрожали, некоторые из них, отяжелев от перенесенной

течением прошлогодней травы, совсем согнулись.

Изредка по реке проплывали запоздавшие льдины, которые, столкнувшись с кустами, не смогли проскочить напрямик, и их таскало на повороте по кругу.

Инна собралась с силами и пошла. Она сегодня, так как не ходил рейсовый автобус, оставила вещи у знакомых и, где на попутках, где пешком, добиралась по бездорожью от самой станции.

Инна шла к матери.

Добравшись до дома, Инна достала воды из колодца и напилась.

— Инка! — выскочил из дома довольный брат, тут же заскочил обратно. А через минуту вернулся уже с матерью.

Катя стояла на крыльце в своих рабочих халате и косынке и с грустинкой смотрела на дочь, которая от усталости присела на сруб колодца, поставив ведро рядом с собой. А Санька бегал и кричал что-то.

Инна проспала до обеда следующего дня. А проснувшись, вышла на улицу и долго сидела на лавочке возле дома, охватив подбородок ладонями и поставив локти на колени.

Когда Санька оторвался, наконец, от своих рисунков, понятных только ему, и вышел из дома за водой, Инна весело сказала брату:

— Пошли, Санька, погуляем!

Брат заулыбался, и они пошли.

Спустились к реке, которая поубавила воды и чуть отступила.

На берегу лежала широкая шитая лодка. Она была перевернута и заложена на цепь с замком за черемуху около Ольгиного дома.

Инна и Санька присели на лодку. От нее пахло нагретым солнцем гудроном. В небе то и дело проносились утки, кричали чайки. Под ногами чувствовалась холодная сырость.

Долго сидели и смотрели на речку, а потом Инна сказала:

— Знаешь. Знаешь... — у нее набежали слезы, — а Антон женат...

...Стояли чудные весенние дни, казавшиеся особенно чудными от того, что совсем недавно все было во власти неожиданно отступившей зимы.

Каждый раз, возвращаясь с занятий или работы, Инна удивлялась тому, как быстро уменьшается куча грязного снега возле общежития.

Инна выскочила из общежития в новом коричневом костюме. Волосы ее, подросшие, распущенные сейчас, легко рассыпались при повороте головы. На плече у Инны висела малень-

кая черная сумочка, и ее металлическая пряжка отсвечивала на солнце и ударила этим отсветом в глаза.

На перекрестке светофор вовремя зажег зеленый свет, так что Инна, не задерживаясь, перешла на другую сторону дороги. Там ждал ее Антон. Он спрятался в тени здания, так как оделся не по погоде: в кожаную куртку, высокую кепку-папаху и серые шерстяные брюки.

Антон поцеловал Инну, и они пошли дальше по улице.

Какие-то старинные кирпичные дома с ложными арками прилегали здесь вплотную к тротуару, и почему-то в их тенях воздух был особенно холодным и сырым. Но в промежутках между домами парочка снова и снова попадала на солнце. И Инна вдвойне радовалась его теплым лучам.

Когда пошли девятиэтажки, Инна и Антон сели в автобус.

Автобус был почти пуст, и Инна расположилась на заднем сиденье, развернутом против хода. А Антон встал рядом, оперся руками о поручень и не отводил глаз от Инны. Инна чувствовала, что ею любят, и поэтому смотрела в окно. А за окном проскакивали встречные машины, проплывали магазины, киоски... Многочисленные люди, идущие по тротуарам, были все довольными — радовались хорошей погоде, позволившей им скинуть пальто и куртки. Среди пешеходов часто встречались парочки...

— Антон, — повернулась Инна от окна, — я в этом году заканчиваю. Мне работу предлагают... Как дальше будем?

— Чего дальше? — не понял Антон.

— Нуу?! — она подождала, но Антон молчал. — Когда поженимся?

Квадратное лицо Антона обмякло, расплзлось. Он долго вытаскивал из себя слова, крича толстые губы. Потом ответил:

— ...Я давно хотел тебе сказать... У нас ничего не получится, Инна... Я женат... Я давно хотел сказать...

Автобус резко тормознул на перекрестке.

Инна плакала и смотрела в окно. За окном, по параллельной полосе, выпуская из глушителя белый дымок, подбежала «легковушка» и приткнулась к почти таким же, уже стоящим. Потом она и автобус тронулись... Были ещё перекрестки, остановки...

А Антон все говорил и говорил...

Когда Инна, наконец, смогла повернуться от окна, она увидела, что Антона нет, а автобус полон пассажиров. И многие из них с сочувствием смотрят на нее.

На следующей остановке Инна вышла.

Инна прожила еще несколько дней в городе, а потом уехала.

— Вот так вот, Санька, — жизнь, вот так вот, — Инна смотрела своими раскрасневшими глазами в Санькины, теплые, родные.

А сам Санька уже давно стоял, он держал сестру за руку и, верно, куда-то звал.

— Еще погулять хочешь? — спросила Инна. — Пойдем-пойдем — погуляем, — и поднялась с лодки.

Они шли сначала полем, потом пересекли небольшую заболоченную низину с ничуть не растаявшим льдом между кочек. Вскоре вышли на бор.

Местами здесь еще лежал довольно глубокий засыпанный вытаявшими теперь иголками снег. А вокруг стволов деревьев и на бугорках его вовсе не было. Так что, выбирая дорогу, пройти можно.

Санька торопился, часто зачем-то шел напрямик, падал в снег, но тут же, улыбаясь, вскакивал.

Инна, особенно после того, как вошли в оживающий лес, наполненный... нет, даже не запахами, а только предчувствием запахов, беспрекословно следовала за братом.

...И вот вышли на крутой песочно-глиняный обрыв. Снега по краю обрыва (довольно широко) не было. Его выжгло солнце, не встречающее лесной преграды.

Обрыв шел неровным полукругом, и слева виднелись часть его стены и выдвинутый мыс с обреченными деревьями. Внизу, среди завалов, уже лежало несколько живых, с зеленой еще хвоей, сосен, верно, совсем недавно скатившихся с кручи. Вниз по обрыву, прорезав себе русло, бежал небольшой ручеек талой воды. Он пробирался к реке, которая, неслышная отсюда, едва проглядывалась сквозь прибрежные кусты и деревья. А в дали прозрачного воздуха, за голубым, кажущимся совсем низким лесом, угадывалась соседняя деревня на холме.

Инна и Санька сели на поваленное наискось к обрыву дерево, порядочно высунувшее свою вершину в пустоту и, верно, чудом не упавшее.

— Дааа, Санька, — растянула Инна фразу, — привел!

— Санька, ведь и правда, летать хочется, — Инна вытянула свои стройные ноги в черных резиновых сапогах почти по колено, закуталась в материну робу, в которой та ходила по весне. — Хорошо, что куртку взяла, а то дует.

Санька молчал. Он глупо улыбался чему-то. Потом оперся спиной о ветки сосны, на которой они сидели, и деловито закурил.

— Нет, в самом деле, хорошо, приятно у этой пропасти, видно далеко, — снова заговорила Инна. — Спасибо, что привел. ...А Сашка-Философ тоже из института собирается уходить. Он меня на год младше... Говорит, что если учиться стало не интересно, то зачем? К нему племянница маленькая приезжала. Он чего-то занимался с ней. — Голос Инны на этом просторе звучал ясно, свежо. — В общем, еще не решил куда, но на педагога...

* * *

Молодая травка в первую очередь сочно зазеленела между деревенскими строениями да чернеющими грядками и картофельными полями, потому как почти все домашние усадьбы были выкошены вручную под самый корешок сначала травой, а потом отавой. И редко где серело старотравье.

Теперь деревня, поднимающаяся по отлогому холму, стояла на зеленом ковре.

Вскоре зазеленели и пастбища, сенокосные поля. По их межам безжизненные до того деревья выпустили из набухших почек вербушки, сережки, листья. И уж нельзя было, как прежде, далеко заглянуть в лес.

Бело зацвели черемухи, особенно украсившие деревню. Они дарили цветочный запах проходим и как будто специально для того вытягивали из-за заборов на дорогу свои ветви.

Наконец выпустили коров. Коровы шли вразброд; и то одна, то другая, остановившись, мычала во всю глотку. А иногда словно что-то дергало которую, и она, несмотря на свою тяжеловесность, вылягивала несколько прыжков, как игривый теленок.

Но через несколько дней коровы успокоились. Петровы вместе со старой выпускали маленькую телушку Розеньку. И пастух ворчал, что «Иннина коровка целыми днями домой рвется».

Деревенские же давно выбирали жениха для Инны.

Дом

Это нельзя назвать рассказом как таковым... — сказ!... Полусон

ЗАЖАТАЯ СТЕНАМИ леса серая асфальтированная дорога, разделенная по середине белой полосой, после крутого поворота пошла в гору и там, наверху, словно обрывалась трамплином в небо.

В гору, метр за метром, полз перегруженный КамаАЗ. Он, надрываясь, рычал, отпыхивался на перегазовках, казалось даже, мог не выдержать на самом взгорье. Но... вот, вот — поборол! Перевалил на склон, в бессилии передернувшись всем своим железным телом.

...Дальше шли холмистые поля с перелесками по логам. Справа, на одном из холмов, начинающемся от дороги, на самом верху его, гнездом уютилась деревня домов в пятнадцать-двадцать.

— Вот и Родина моя! — весело крикнул пассажир КамаАЗа. Напротив деревни тормознешь!

Шофер кивнул и, после того как спустились под гору и порядком проехали по прямой, сразу после грунтовки, поднимающейся к деревне двумя колеями, остановил машину.

— Ну давай ... Леха, спасибо! — протянул Илья руку шоферу и стал выбираться из кабины. Что-то замешкался, неудачно выпрыгнул и, не удержавшись на ногах больно!.. упал на колени, тюкнулся головой в землю.

— Жив?! — крикнул Леха, вытянувшись со своего сиденья. — Живой?!

— ...Норма.

— Ну, давай тогда! — Леха захлопнул дверку, погазовал на месте, напустив дыма, и уехал.

— Дааа.

— Даа, — поднял Илья голову и тяжело огляделся.

...Около образовавшейся вдоль асфальта лужи, покрытой зеленой тиной, одиноко стояла маленькая девочка в заношенной, висящей на ней мешком светлой курточке. Увидев, что кто-то приехал, девочка выпустила из рук длинную мокрую палку, которой, видимо, игралась, и подбежала к Илье.

— Иринка! — поднялся Илья с колен. — Иринка!!! Как ты за три года выросла. Ну-ка!.. — взял он девочку за плечи, но ... увидев, что испачкал курточку, отдернул руки.

— Замарал, дурак!

Илья взглянул на разбитые в кровь ладони и машинально отер их о брючины. Девочка все стояла рядом и смотрела во все глаза.

Илья помялся немного. Потом достал из кармана мелочь.

— На, Иришка, мама шоколадку купит!.. Отец дома?

Девочка кивнула.

— Я зайду, скажи.

Илья, высокий, стройный русоволосый мужчина с двумя залысинами ото лба, пошатываясь и чуть хромя, брел по дороге вдоль лужи. Расстегнутая черная куртка трепыхалась полами по

ветру, а дорожная сумка, закинутаая за плечо, хлопала по спине.

Илья то и дело шептал:

— Лужа, все лужа и лужа, лужа и лужа...

Он пропустил оба мостика, по которым можно было перейти, и, сделав порядочный круг, обошел лужу стороной.

Илья, взяв отгулы, приехал на несколько дней. Одуматься. Недавно поговорили с женой и решили недельку пожить раздельно, а то совсем разлад в семье. Из-за Ильи. И ничего не поделаешь...

Поздно ночью Илью занесли в дом к матери бревном, или, лучше сказать, колодиной.

* * *

Подняло Илью в четыре утра. Он неслышно бродил по дому. То и дело выходил на улицу курить, пил чай впустую. Несколько раз, не включая свет, воровски обыскивал свою куртку, перерывал сумку. Наконец полшестого заглянул к матери в комнату (дом после постройки разделили перегородками на две комнаты, коридор и кухню). ...Мать спала, не раздевшись. Она лежала на неразобранном диване, едва уместившись на его половинке своим грузным телом. Вместо одеяла укрылась тяжелым мужским пальто с меховым воротником. Рот у матери приоткрыт, она дышит с присвистом. Руки положены поверх пальто, пальцы сжаты в кулаки... но не плотно, словно корову доила и остановилась. А может быть, во сне и доит...

— Мама, мам, — осторожно тронул за плечо.

— Что? — тревожно вскочила она.

— ...Ты кошелек не брала?

Шура встала, включила свет. Расчесала свои короткие поседевшие волосы гребенкой и воткнула ее на затылке.

— Спрятала.

...Что-то произошло дома. Что-то ужасное... Илья выскочил на улицу, отчаянно топая босыми ногами по скрипнувшему ступенькам, громяхнув дверью.

— Ууу! Ух!

Илья быстро шел, бежал. Что-то резко дергалось внутри его и выходило наружу толчком, сдавленным криком... А за Илеей, отстав метров на десять, торопилась, запинаясь, редела старушка-мать.

Уперевшись в забор, Илья глянул в одну сторону, в другую — пройти негде. Вдарил по перекладине забора обеими руками во всю силу. Подгнившие столбы не выдержали, и повалился весь пролет. Илья ступил на забор, сделал

еще несколько размашистых шагов и за кучей мусора упал прямо в старую желтую траву, в сорняки, в крапиву. Утренний иней приятно ожег разгоряченное тело.

Шура отдала Илье деньги, но тот никуда не пошел — перегорело. Он бродил по дому и огороду как не свой. Вспомнил, что мать в каждом письме ныла: «Крыша течет. Крыша течет...» Залез на чердак. ...там, в полумраке, в нескольких местах стояли тазы с водой, отражающей свет чердачного окошка.

Илья подошел к окну, которое было заколочено досками и только сверху оставлена щель сантиметров в пятнадцать. Рамы в окне не было — она, с разбитым стеклом, лежала на изгнившем, с прозеленью, балкончике.

Илья долго стоял и не отрываясь смотрел вниз: на дорогу, на соседский дом, покосившийся на угол, на колодец-журавль с противовесом из автомобильной покрывки.

По дороге (туда-сюда) прошел незнакомый Илье торопливый заботный мужик, потом пробежала, принохиваясь к земле, собака.

...Слева кто-то разговаривал. Илья с самого угла окна, наискось, поглядел, кто там. Там, опершись о калитку, стояла Шура, а рядом с ней, на дороге, — высокая полная женщина в ярком, в несколько цветов, спортивном костюме. Женщина что-то рассказывала, размахивая при этом руками и смешно приседая.

— Как мать постарела, — ёкнули у Ильи слышанные уже слова, — как постарела.

Он спустился с чердака, вышел на улицу, обогнул дом и прижался к бревенчатой стене... Ко лбу что-то прильнуло. Илья глянул. Из серого щелистого бревна, из сучка, (лето было жаркое) выдавилась липкая смоляная слеза. Сразу вспомнилось, как три года назад, проведя отпуск в деревне, уезжали. Когда пошли на автобус и спускались под гору, жена вдруг свернула с тропинки.

— Не забудки! Не забудки! Илья!

— Да? ...Раньше не было.

— Значит, семья, значит, кто-то семья занес. — Рвала она цветы и танцевала.

Илья снова взглянул на раздавленную лбом смоляную каплю. Немного дальше из бревна торчал ржавый серп. Илья выдернул его и взмахнул несколько раз — («Раньше крапиву вокруг дома жал»), — и снова воткнул. Что-то ... задумался. Осторожно вытащил серп и заглянул в рану от острия — там ничего. Сунул серп опять в щель.

Илья прошел на веранду, по-сиротски присел на первую ступеньку крыльца. Дождялся матери и спросил:

— Давай баню истопим?

— Топи, топи, Илюша. Я сама думала, да тут... Топи.

* * *

...Илья растапливал печку в бане...

Разливаясь теплом, вспоминалось, что в детстве... если мать увидит, что стоит, как сейчас, на коленях, закричит еще издали: «Ты стираешь?! Кузнецов он опять ловит!» — Торопится. С сумкой, из магазина. Но не догнать... А зимой чаще: «Колена застудишь! Наказание. Встань быстро!» Строго очень.

Теперь в ответ на это по-детски думалось: «Сейчас ничего не скажет...»

Илья положил в топку последнее полено, задувал под дрова скалину и поджег ее. Скалина заежилась, разгораясь. Печка набрала дыма и вдруг резко пыхнула им Илье в лицо. Илья закашлялся, сплюнул, а дым повалил в баню клубами, затягивая пеленой потолок.

— Вот, всегда хорошо топились, а тут дым... — причитала Шура в предбаннике. — Я уже давно ее, правда, не топила. Или воды набезало...

А дым шел и шел. Илья утер слезы и наклонился почти к самому полу, глубоко вдыхая из-под настланных досок воздух, пахнувший холодной сырой землей. ...Догадался закрыть дверку. Печка, внушительная каменка с котлом, словно задумалась. Дым нашел нужный выход. Дрова вспыхнули в печке, и она довольно загудела, улыбнувшись Илье огненным светом из щелей вокруг дверки, который осветил красный нештукатуренный кирпич.

Баню приготовили славную.

Илья парился до изнеможения, отдыхал в предбаннике — и снова в баню. Он плескал на камни, заползал на полки и лежал. Пот ел глаза, и Илья закрывал их.

В опустошенной голове почему-то всплывало одно и то же: «У меня же парень растет»; «А баня-то новая, хорошо матери ... денежку послал».

...перепарившись, что ли, Илья пришел домой в полузабытьи и бухнулся в постель, приготовленную матерью. Белье пахло свежестью и чистотой.

В дреме Илье, который раз за последнее время, вспомнился отец. Вспомнился издали. ...Тогда свою баню ремонтировали, ходили мыться к деду. У Ильи, пацана совсем, сопли от жара побежали.

Отец и сказал:

— Вот, баня болезнь выгонит.

— Да я не больной, не больной! — кричал Илья.

— Как?.. А сопли?

— Да не больной! А бегут!

— Нуу... значит были, раз бегут.

Утром Илья проснулся часа в четыре. Самому хорошо, легко, голова свежая, отдохнувшая впервые за много дней. Да и как иначе — выспался. Вчера сразу после бани, часов в пять, заснул.

На улице темно, и в доме темно.

Илья выдвинул из-под кровати, на которой спал, отцовский деревянный ящик с боеприпасами к ружью, унес на кухню и только там зажег свет. В ящике все что надо!

Илья сидел прямо на полу посерединке кухни (под лампочкой), заряжал патроны. Каким-то чудом он вспомнил меры пороха и дроби и, как ребенок, радовался этому.

Илья то и дело резко оборачивался на темное окно в ночь, — «Нет! Не рассвело», — успокаивался.

...Когда уже собрался идти, вспомнил про ружье (ружье раньше в самый последний момент всегда выносил отец). Сердце ёкнуло: «А вдруг его нету».

Илья, не снимая даже сапог, с тяжелым мешочным рюкзаком за плечами, прошагал в свою комнату, включил свет. Железный продолговатый оружейный сейф, поставленный в дальнем углу, был закрыт на навесной замок... Ключ, все так же, как и раньше, висел на гвоздике на стене. Илья открыл замок, осторожно приподнял крышку сейфа. Ружье на месте! Оно любовно смазано маслом.

— Илюша, ты куда? — в комнату ... в ночнушке вбежала растерянная Шура.

— На охоту, мама! На охоту! — Илья собрал ружье и принялся обтирать стволы рукавом. — Может, на ночь, может, на две. Почти весь хлеб забрал! Да ты испечешь.

Настроение и вид сына ободрили Шуру.

— Ты Муху возьми.

Илья глянул в стволы на свет, опустил ружье и осторожно щелкнул затвором.

— Муху? — ...вспомнил небольшую рыжую собачку, которая сначала лаяла на него, пыталась укусить, а после того, как он пугнул ее, обходила стороной. — Возьмем Муху.

Шура проводила сына до калитки.

— Муха, пойдешь со мной? — спросил Илья.

Муха подошла, но не ближе метра, вытянувшись всем телом, осторожно принюхалась к ружью, ... и побежала вперед по ночной дороге. Метров через десять, в свете окна, развернулась

наполовину и остановилась, дожидаясь хозяина.

— Счастливо, — напоследок сказала Шура.

В конце деревни Илье встретился низкорослый черноволосый мужичок, отец Иринки. В кармане его огромного чужого пиджака ютилась полуторалитровая пластиковая бутылка. Мужичок подошел и, шатаясь, протянул руку.

— Иль-юша... Илюша? — он всмотрелся в лицо. — Трезвенький? Вон, смотри, — показал рукой с неразогнувшимся до конца пальцем на страшную в темноте маленькую избушку с одним пылающим окном, — Колька баню добил. Обмываем. Там все наши. Колька. Сергуня. Толик. А я к Вале, — похлопал он по бутылке. Вдруг заметил ружье. — Так ты на охоту? Нуу... тогда смотри сам. — И пошел.

По темному небу плыли черные тучи, и заморосило. Настроение у Ильи испортилось. Он, как только вошел в лес, сразу разложил костер. Огонь освещал небольшое расстояние вокруг себя, несколько деревьев, а дальше темнота. Муха, свернувшись калачиком, лежала под засохшей елью. Дым от костра шел сквозь освещенные ветви в темноту. Иногда он менял направление в сторону Ильи, на секунды обдав его теплотой и сказочной дремой.

Илья сидел на постеленном на свеженарубленные еловые лапы плаще. Смотрел на живую, магический в темноте, огонь. Вспомнилось Илье, что раньше, когда еще учился в школе, по выходным вставал рано, не мог утерпеть, выходил в темноте. И вот так же сидел на границе леса и дожидался рассвета. Потом разыскивал выводок рябов, которые зачинали петь. Выбирал из трех манков любимый и свистел. Рябы, разохотившись, распевались, откликались почти друг за другом, не давая втистуться и подать свой голос; слетались кучнее... Теперь не зевай! Лишний раз не свисти, чтоб не распознали, и подкрадывайся осторожно. А если на манок идут!.. Посвистишь, он подлетит и опять откликнется: «Тут я, тут. А ты где?» Или неожиданно «молчун» сзади припорхнет, чуть не на спину, ряба, к которому летел, не увидит — и дальше метров на десять. На ветку сядет, ветка качается, а он, заподозрив неладное, щебечет: «Ой! Ой! Опасность! Ой!..» Тут уж надо стрелять, а то улетит. ...А по земле сколько раз прибежали — бежит, на ходу свистит... Отец, тот весь выводок приманит, сидит тихо, а уж потом штуки три возьмет. У Ильи так не получалось. Первый прилетит, видно — и стреляет...

...Илья очнулся от воспоминаний. Уже рас-
свело. Костер, на свету не такой волшебный, до-
горал, отдавая последние силы. Тучи подразбе-
жались, оставшись только у горизонта... Из-под
них выглянуло восходящее солнце. Оно отрази-
лось рассеявшимися лучами в лежащих на всем
дождевых каплях, оживив тем самым увядшие
листья на деревьях и земле.

— Надо, Муха, идти, — вскочил Илья и засу-
нул плащ в рюкзак. — Пойдем сейчас.

* * *

...Сначала Илья еще держался знакомой
тропки, едва улавливая ее направление. Но по-
том свернул за вспорхнувшим рябком и сбился.
Долго шел наугад. К обеду, заплутав на травя-
нистой болотине, наткнулся на небольшую ак-
куратную яму с водой до половины...

...в воде невидимой струей поднимало со дна
ил и еловые иголки. Рядом с ямой, на вросшей в
землю валежине, лежала потемневшая чашечка
из березовой коры.

— Ключ, Муха... — у Ильи от усталости, от
долгой ходьбы и резкой остановки закружилась
голова, его понесло, так что к дереву плечом
притянуло, — «..! Был я тут!.. Был! Забылось
только... давно.

В апреле, на лыжах, по настику. За лосем
был...

Отец не пускал: «Какой лось! Охота в январе
закрылась! Тяжелые щас! Нельзя».

Нет. Убежал. Через повить, а убежал... Да и
не удержать было — Колька с Иваном разве
охотники? — а убили.

...Вскоре и след быка нашел. Он не стоял,
стронутый уже был, но кормился хорошо. Ло-
мал тоненькие вички с ...(как дед говорил)
ивушек. На болоте крутанулся несколько раз
и к ключу вывел. Копытами снег рядом с ямой
в грязь истоптал. В ключ даже угадал. Воду
замутил. А в воде лягушка, жаба. Забулька-
лась, испугалась. Наверное, с осени в ключе
жила...

Дальше лось ходом пошел, кормиться пере-
стал — почуял...

Вдруг! Стоит! ...Солнце яркое от снега — и в
глаза. Ствол у ружья старый, вышарканный,
блестит, отражает зеркалом. Целиться плохо...
А это... корова. Брюхатая, еле идет. Загнанная.
Ноги настом ломает: тяжело. Уши прижала, от-
пыхивается. Брюхом за снег цепляет — двойня
...наверное. Бойтся, а убежать не может.

Бык же был. Бык ...на лосиху навел, а сам
ушел. Чтоб два следа было...

Нет, стрелять не стал, разглядел вовремя,
успел. Повернулся — и ходом, сначала сам не
знал куда.

В деревне никому не сказал. С Ванькой тогда
всю ночь пьянствовали».

— Жарко, Муха! Пить хочу, по болоту на-
хлопался, вспотел, голова болит.

Илья торопливо поставил ружье к дереву,
снял рюкзак и стал развязывать.

— Ключ, Муха! — весело крикнул. — Студе-
нец, Муша. Точно, отец рассказывал: «Болото, а
посередке ключ, Студенец, три глотка не стер-
петь — зубы сводит, — говорил: — Из самых
недр Земли». Все хотел показать: «Покажу, по-
кажу, вода — сок березовый...» ...Так и не пока-
зал.

Илья уже достал котелок. Кинул перед ямой
плащ и коленями опустил на него. Низко на-
клонился, оперся левой рукой о противополож-
ный край ямы и, улыбнувшись своему отраже-
нию, котелком черпанул воды.

— Сейчас... — он распрямился и глотнул че-
рез край. — Хоолодная, Муша! Уух! Отец гово-
рил, целебная... из самых недр. Муша!

Собачка, который раз услышав свое имя, ра-
достно юлила всем телом, махала хвостом; пере-
ступая с места на место, доверчиво заглядывала
Илье в глаза.

— Все, Муха, чай кипятим!

...От ключа по болоту вела тропка, проща-
ленная в самых сырых местах жердинником.
Тропка петляла и держалась зачесов на дере-
вьях, продолговатых, зарубцевавшихся теперь,
на елях — со смоляными подтеками, а на бере-
зах — нередко с чагой.

Вскоре болото кончилось, и дорожка выско-
чила на просеку. Просека, недавно чищенная,
шла широким коридором, в обе стороны подни-
маясь в гору.

По просеке идти лучше, просторнее. Дума-
лось о матери, вспомнил об отце. Вспомнил, как
отец три года назад, перед смертью, все причи-
тал: «Мне бы воды со Студенца». Сколько раз
просил Илью поискать...

Вдруг... Илья остановился, — вдали, в сторо-
ну от просеки, шумело — шумела река. Илья
спустился на шум. Шумело при перекате через
бобровую плотину.

Бобры перегородили небольшую, метров
пять в ширину, речку, натаскав мелкостволья,
сучьев и веток. Вода порядком поднялась и по-
чти сравнялась с берегами.

...На той стороне, почуяв неладное, засуетил-
ся маленький черный бобрик. Он растерянным
коротколапым медвежонком, с частыми нере-

шительными остановками, запрыгал вдоль по берегу. Не зная, что предпринять, пропустил первые, вышарканные до земли лазы, и скатился в речку только на третьем. Выкурнул так, что видно только мордочку; тихонько поплыл. В ответ на это водная гладь, усыпанная желтыми, не потонувшими еще листьями, сразу заходила, заволновалась слегка...

Испугала бобрика Муха. Она, потеряв хозяйина, не разбирая дороги, неслась по следу... Бобрик со звучным шлепком нырнул и больше не показывался.

Илья пошел вверх по течению. Бобры здесь аккуратно подгрызли со всех сторон, но еще не уронили две огромные осины в обним. Муха долго обнюхивала и осины, и лазы. Ей все было внове. «А потревожь бобров, — вспомнил Илья детские размышления соседа Ваньки, когда-то первого рыбака в деревне, — больше не прикоснутся, так и будут деревья стоять на последней ниточке жизни».

Солнце уже совсем разогрелось, и Илья снял ставший жарким свитер, запихнул в рюкзак.

Огляделся.

Радуюсь теплему осеннему деньку, болтая на своем языке и роняя шишки, по верхушкам елей перелетали маленькие клесты. На высоком березовом пне, нисколько не боясь головной боли, стучал дятел. Где-то впереди, считая это за работу, раскричалась лесная сорока.

После того как поднятая бобрами высокая вода осталась позади, и река разговорилась на частых здесь каменистых переборах, Илья углядел белку. Рыжая еще, она по привычке своей цокавшая, застигнутая теперь врасплох, прыгнула на ствол ели и метрах в двух от земли, так как и бежала, — замерла. Илья тоже остановился. «Думает, не вижу, — прошептал он. — Мухи-то нет».

Не шевелились долго.

— Ну все, хватит, — надоело Илье. — Тебя не перестоишь.

Он сделал несколько шагов.

Белка рванула вверх по стволу и пропала в еловых лапах, будто не было.

На песчаном мыске около омута попались свежие, глубоко вдавленные следы лося.

— ...Лосиха, — провел Илья пальцем по отпечатку копыта. Молодая. Одна. На будущий год с телятком будет.

Муха, не обращая внимания на хозяйина, ползла прямо под руки и деловито-смешно совала носом в каждый след.

— Да, Муха, крупный зверь. Мой Мухтар сейчас бы остановил, — похвастал Илья.

У ручья, пробирающегося к реке между замшелых валунов и вывороченных с корнем деревьев, Илья наткнулся на отцовскую, упавшую уже жёрдку на куницу.

Илья постоял немного в раздумье, потом отвязал капкан и повесил на сучок. Сел на ближайшую валежину, закурил. Муха, натоптав место, улеглась в ногах.

...Вдруг Муха насторожилась. По ручью бежала молодая норка. Она, почуяв посторонний запах, продвигалась крадучись. Высунет из-за полусгнившей колодины или камня головешку, торопливо-тревожно оглядится — и до следующего прикрытия.

Муха сначала удивленно смотрела. Потом оскалилась, зарычала и... — за норкой, которая, в свою очередь, тоже разобралась и торопилась к реке.

Слышно было, как муха плюхнулась в воду. Через минуту вернулась.

— Да-да, — уплыла, как утонула; а ты не можешь так? — Муха заскулила в ответ.

— Пожалуйся, пожалуйся. — Илья докурил и вторую, встал с валежины. — Ладно... Ладно, Муха, отступись. Не спелая! Вверх по ручью пойдем, — махнул он рукой.

Муха, словно понимая человеческий язык, уловила направление и, одним резким прыжком, развернувшись, вырвалась вперед хозяйина.

Ручеек журчал между двух довольно крутых склонов, поросших местами молодым, большим уже ельником. Иногда один из склонов опускался, становился положе, тогда второй обязательно набирал мощь и крутизну. К краям обоих склонов подходили высокие сосны. Часто у их корней попадались песочные осыпи — лучшие места для порховищ рябчиков.

— ...Боровой, — вспомнил Илья название ручейка.

В крутом повороте поймы, у огромной, метров в десять в длину, осыпи, стащившей вместе с землей несколько деревьев, вспорхнули, разлетаясь в разные стороны, рябчики.

Муха, несмотря на окрики хозяйина, залаяв, понеслась разгонять выводок, наискосок поднялась по осыпи, оставляя след, и пропала на бору. ...Два рябка же перелетели на противоположный склон и сели на подсыхающие от густоты елочки. Илья хорошо видел одного. Прицелился, выстрелил. Рябчик упал камнем, немного подкатившись под гору. Второй, испугавшись выстрела, вылетел из чащи, пролетел метров десять по дуге и уселся на чистом месте. Илья не задумываясь взял и этого.

Только перед темнотой Илья вышел к фамильной избушке, поставленной в истоке Боро-

вого еще дедом. Чуть не от двери, рядом подпущив (Муха прозевала согнать), слетели рябчики. — «Утром запоют».

* * *

Соседка засиделась у Шуры... Отвлекала от дел.

— ...Лук в колготки, значит... Да-да-да. Да, — она причмокнула скопившейся слюной. — ...А у меня все на печи.

Шура не ответила. Соседка, сухонькая бабка в истертом платье с оборками подолом, в засаленной куртке с большими пуговицами, в темном платке, нависшем над глазами, сидела, положив руки на колени, как первоклассница, и, похоже, поддерживала разговор одна. Лицо ее, застывшее, с потемневшей, с глубокими морщинами, кожей, словно стесано у щек несколькими махами топора.

— А Иришка... А Ирина Ивановна, не знаешь, как поживает?

— Так умерла!

— Умерла?! Давно?

— Да что ты! Полтора года!

— Мыым... Молодая ведь совсем, нас моложе. Как переехала, значит... Да-да-да. Я и не знала, — закачала она головой. Запереживала. — Теперь там Колька у ней остался. Да-да-да...

Несколько минут соседка сидела молча; было слышно, как отрабатывают свое часы и шумно дышит Шура.

— ...Ильюша-то где?

— Ильюша? А что Ильюша?

— Все хорошо, Ильюша-то?

— Ильюша... — медленно заговорила Шура. — На охоту ушел. Отец-то охотник был. Как? Водил Ильюшу в детстве. Бродили все, — Шура опять немного помедлила, тревожно глядя на соседку. — Ружье отцовское взял, смазал; патроны тоже... Утром и ушел.

Опять посидели молча.

— Ушел... — сказала соседка. Вот и у меня Ваня ... тоже, ружье взял. Побрился. — «Уток погоняю». Тут на реке и нашли через три дня. Метр девяносто пять ростом был. — Ладно, Санька, пойду я ... — Поправила она платок и ушла.

...Уже через час Шура шла лесом. Хотя день давно перебрался за середину, солнце грело. Грело крепко, не по-осеннему. Шура вспотела. Часто, остановившись, вытирала фартуком, который забыла снять, пот с лица, забывалась; потом спохватывалась, срывалась с места, — резко, так что Шура вскрикивала, сказывалась боль в

ногах... У Иришкиной Полянки присела на вывернутую с корнем огромную осину.

Иришкина Полянка, когда-то косившаяся, теперь заросла молодым, набирающим силу березняком, по которому по-хозяйски, как садовник, прогуливался ветерок, бережно обдувающий, освежающий Шуру лицо.

...Где-то далеко выстрелили.

— Илья! — сердце у Шуры съежилось —дохнуть нельзя. Она зажмурила глаза.

...Через несколько секунд — второй выстрел!

— По рябам, — выдохнула. — Слава богу!

Она посидела еще несколько минут, встала и повернула к дому.

* * *

В избушке (обычное дело при неуходе) лопнула матица, и Илья, порядочно захватив темноты, долго возился, подставляя подпоркой сосновый столбик. Умаялся. Сварил суп из рябчиков, поел, накормил собаку и, не готовя чая, лег спать.

Ночью Илья проснулся. Хотелось пить. Он вновь растопил (труба не закрывалась) небольшую железную печку, обложенную камнями, и прямо в ее жаркий рот сунул чайник с водой. Чайник не влез полностью, высунув из печки носик, так что дверка не закрывалась до конца, оставив щель. Илья сидел и смотрел на эту щель красной жаркой полосой, а на нем самом, на бревенчатых стенах, на низеньком, не во весь рост, потолке, на подпиравшем матицу, свежеекоренном столбике, который пах смолой, играли чудесные отблески огня.

В избушке стало жарко.

Илья открыл низенькую дверь избушки и прямо как был, в майке, в спортивках и босиком, вышел, сел на порог, поставив ноги, чтоб не стыли, на единственную, вровень с землей, ступеньку. Закурил.

Подошла Муха, тихонько толкнулась в колени; еще раз...

— Что, Муха? — Илья откинул сигарету, которая, упав на землю, еще долго глядела огненным прищуренным глазом.

— Муха, а Муха, — погладил Илья собаку по голове, — я ведь здесь один километров на тридцать ... квадратных. Следов почти нет. Мало ходят... Думается ясно, Муха, — снова потрепал он собаку. Она довольно махала хвостом и, если хозяин не гладил, тыкала мокрым носом в ладони. — Муша... как сам с собой разговариваешь.

В лесу тишь. Только журчит Боровой.

Где-то далеко-далеко залаяла собака.

— Мухтар! Слышишь?! ...это в деревне. Твои лают. Двенадцать километров, а слышать!

Холодно сегодня. Ух! — Илья поднялся с порога, но в избушку не пошел, захлопнул дверь. — Студить не будем. — Сделал несколько осторожных шагов по холодной, местами с мхом, земле.

Все небо в звездах! И в кронах сосен звезды. И между стволами звезды. Илья оглянулся на избушку. Низенькая, два метра от земли вместе с двускатной крышей. Крыша, сложенная из толстых, грубо тесанных плах, поросшая от времени белым мошком, слабо серебрилась в ночном свете. Из трубы шел дым.

Илья посмотрел на небо и, не стесняясь (да и кого стесняться!), поднял руки в стороны и чуть вверх. Глубоко вдохнув, набрал полную грудь студеного звездочистого воздуха.

* * *

— До свидания, мама, — обнял Илья Шуру. Она обхватила сына руками, прижалась к нему и не хотела отпускать.

— Теперь у меня, мама, тут что-то есть, — показал он рукой на грудь. — Мама! — снова крепко обнял мать. Взглянул на родной дом за ее спиной. Маленький, бревенчатый, с тремя широко расставленными друг от друга окнами-глазами. У балкончика, срубленного в два ряда, необшитого, отгнило нижнее бревно, упало и приставилось к стене, словно подпирая ее. — А за дом ты не расстраивайся... Крышу починил... А на будущий год всей семьей приедем, подремонтируем. У меня отпуск сорок... Муха скучит? Закрыла?

Илья еще постоял. Но долго не выдержал.

— Ну ладно, не ревите... До свидания, мама!

...У своей калитки стояла соседка и смотрела. Илья сделал несколько решительных шагов, обнял старуху.

— До свидания, тетя Раиса!

Слишком резко повернулся.

Зашагал по затвердевшей от заморозков дорожке.